

Т. П. Петерс

**СУДЬБЫ УЧАСТНИКОВ И ПЛЕННЫХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ
В КРЫМ И НА КАВКАЗ ПОЛЯ ГИБАЛЯ
В 1818–1820 гг.**

Сведения о том, как проходила в послевоенное время в Крыму и на Кавказе гражданская служба русских генералов – участников Отечественной войны 1812 года и заграничной кампании 1813–1814 гг., а также о судьбе пленных наполеоновской армии, взяты из рукописи на французском языке, которая была обнаружена в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Архивное дело с этой рукописью носит название «Записки неизвестного лица о путешествии по Крыму, Новороссии и Кавказу 1818–1820 г.»¹. Имя автора не указано, до настоящего времени рукопись не переводилась на русский язык, не публиковалась и исследователям неизвестна.

В результате ее изучения при переводе на русский язык удалось провести атрибуцию «Записок...», установив имя автора и точные сроки его путешествия. На данный момент определенно можно сказать, что, во-первых, автором рукописи был Поль Гибаль, француз, житель Одессы, состоявший на русской службе чиновником в ведомстве градоначальника Одессы генерала Н. Я. Трегубова. Также удалось установить, что описанное путешествие из Одессы в Крым по суше, далее из Керчи до Сухума по Черному морю, затем вновь по суше по Абхазии, Имеретии, Мегрелии, Гурии до Тифлиса он совершил за период на год меньший, чем записано в архивном деле, а именно в 1818–1819 г.

Перед переводом неизвестных рукописей воспоминаний, путевых заметок и дневников путешествий в целях введения их в научный оборот непременно возникают вопросы о новизне, актуальности их содержания,

полноте изложения, стиле речи и соответствии жанру. В связи с этим приходится принимать во внимание личность рассказчика, источники получения приводимых им сведений, уровень и полноту их изложения.

В случае с Полем Гибалем из содержания рукописи вырисовывается его индивидуальность. В данном аспекте еще многое предстоит уточнить, и работа пока не завершена, потому что есть желание собрать как можно больше информации об этом неординарном человеке, опытном и увлеченном путешественнике, обладавшем широкими и довольно глубокими познаниями в географии, античной истории и истории народов Черноморского побережья Кавказа, этнографии, культуре, биологии, мореходстве, химии, медицине, экономике, сельском хозяйстве, торговле и др. Помимо подробных описаний местностей, народов, границ их расселения, он высказывает свое мнение и отношение к затронутым вопросам, основанные на прочитанных книгах русских и французских авторов, на официальных документах русской администрации на Кавказе того времени.

Отголоски войны 1812–1814 гг. встречаются на протяжении всех 242 листов рукописи. Это деятельность русских генералов, участников Отечественной войны и заграничной кампании русской армии, оказавшихся на гражданской службе в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа в послевоенное время, и судьба пленных наполеоновской армии.

Повествование П. Гибалья развивается на фоне обзора Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Гибаль отмечал, что «многие путешественники уже писали о Крыме, все отмечали в воспоминаниях его чарующие ландшафты, его благоприятный климат, плодородие его земли, и почти все они преувеличивали. Однако за последние годы этот край был изъезжен во всех направлениях таким большим количеством путешественников, русских и иностранных, всех классов и сословий, что о полуострове создано более точное представление, чем то, которое содержится в поэтических описаниях первых путешественников. И, тем не менее, даже в настоящее время Крым остается во многих отношениях мало изученным»².

Он увидел, что «большая часть Степи была невозделанной... на открытых лесом горах земледелие было чрезвычайно ограничено... Татары в этой важной отрасли сельского хозяйства были не более сведущи, чем самые отсталые народы Европы... земли полуострова по своему плодородию можно сравнить с самыми неблагоприятными территориями...». В горах, по замечаниям автора, «воздух... очень здоровый, особенно на возвышенных местах, но в долинах его целебная сила понижается; большинство водоемов, которые в Крыму величают реками, на самом деле представляют собой мелкие ручьи, однако ни природа, ни рука человека не приложили

усилий к расширению русла, по которому они текут, в период засухи они имеют вид простых луж, превратившихся во многих местах в болота. Вот они и являются источниками перемежающихся лихорадок, которые в прежние времена были совсем не редкостью и плохо поддавались излечению; в настоящее время из-за улучшения климата, вызванного возделыванием этих земель, они становятся редким явлением, а если и случаются, то протекают намного слабее. Некоторые уголки на полуострове отличались столь вредным климатом, что располагавшиеся там войска (русских. – *Т.П.*) поначалу теряли много людей из-за болезней, и местные жители не верили в способность Русских надолго удержаться в стране, климат которой с такой жестокостью их убивает. Среди таких уголков было устье реки Бельбек, которое окрестили могилой Русской армии. И подобных мест было немало, они занимали обширную территорию полуострова...»³.

Он пишет о скудном ассортименте выращиваемых татарами сельскохозяйственных культур и об отсутствии дорожного сообщения на полуострове: «Сообщение внутри полуострова развито плохо, и во многих местах, особенно в горах, дорог для проезда телег и вовсе не имеется. На Южном берегу Крыма, как и повсюду на побережье, таких дорог тоже нет, и... по побережью можно путешествовать только верхом на лошади»⁴.

Закавказье от побережья Черного моря до Тифлиса, согласно описанию Поля Гибалья, в 1818–1819 гг. было столь же мало освоено человеком, как и Крым, и менее заселено.

Русские генералы, нижние чины российской армии упоминаются автором рукописи преимущественно в связи с освоением земель на берегу Черного моря в окрестностях Одессы, на территориях Крыма и Закавказья.

Так, в связи с благоустройством земель, прилегающих к отвоеванной у турок крепости Хаджибей, выросшей затем в Одессу, Гибаль упоминает об одном открытии исследователей и роли его воплощения в жизнь графа М. С. Воронцова, который был в то время генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии. Это открытие было сделано в результате исследований, к которым приступили в 1827 г. Связано это было с тем, указал Гибаль, что вследствие череды засушливых лет обмелел Куяльницкий лиман, и отступившие от берега воды «более чем на 200 туазов открыли слой соли в 3 пальца толщины». Начался соляной промысел, однако Эраст Степанович Андриевский (в прежние времена дивизионный врач, а затем личный врач М. С. Воронцова), заметив красноватый оттенок этой соли, предпринял исследование, в результате которого установил, «что грязь и соль озера обладает целительными свойствами». Граф Воронцов поддержал исследователя и начал строить на лимане лечебницы.

Рассказывая о Крыме, Поль Гибаль отметил, что «черпал многие сведения... по этим вопросам... в материалах неопубликованной статистики правительства Таврической губернии, подготовленной в 1812 г., в официальных документах, которые составил господин генерал Б... (так в рукописи. – Т.П.)»⁵.

Генералом, которого Гибаль спрятал под инициал «Б», оказался *А.В. Богдановский*⁶. В годы, когда Богдановский исполнял должность градоначальника в Крыму, произошли изменения, которые Гибаль отметил в своих «Записках...». В первую очередь, была осуществлена задача по устранению источников лихорадки, терзавшей русских солдат; для этого силами местного населения, русских военных, колонистов было начато возделывание земель и осушение болот; работа дала свои плоды, потому что вскоре заболоченные долины превратились в плодородные поля, климат улучшился, заболеваемость лихорадками снизилась, и они стали явлением редким, а если и случались, то протекали намного слабее: «...к числу нездоровых уголков относится совсем немного мест, с такой незначительной площадью, что можно совсем не упоминать о каком бы то ни было их вредном влиянии на здоровье людей, а Крым – поставить в ряду стран с целебным климатом»⁷.

Генерал-майор П.Ф. Желтухин⁸ также много поспособствовал освоению Крыма. За два года пребывания в должности киевского военного губернатора он руководил и успешно осуществил переселение в Крым ногайцев, традиционно проживавших на р. Молочные воды. Гибаль, который побывал в местах их нового обитания, писал, что они за несколько лет переменили юрты на дома, образовали большие поселения, сохранив обычаи, пищу и весь образ жизни кочевников, овладели земледельческими навыками, научились добросовестно обрабатывать землю и превратились в умелых хлеборобов. Одновременно с ними на полуострове появились, по замечанию автора, и другие колонисты из числа иностранцев; конечно, привлечение колонистов осуществлялось в рамках политики российского правительства, но что бы значила политика без ревностных исполнителей вроде Богдановского и Желтухина.

Среди тех, кто осваивал нетронутые земли Крыма, Гибаль упоминает и его коренных жителей – татар, в частности татар из *конно-татарских полков*, участвовавших в войне 1812–1814 гг.⁹ Он знал, что «татары Крыма собрали 4 полка волонтеров, которые весьма отличились в течение всей войны»¹⁰. По окончании военных действий оставшиеся в живых вернулись в Крым, где российское правительство, с целью удержать их на земле полуострова и привлечь к земледелию, предоставило им, как заметил Гибаль,

ряд привилегий, главными из которых стали освобождение от рекрутства и налогов на определенное количество лет. Они были совершенно несведущи и неумелы в земледелии, но в итоге и их усилиями тоже начали возделываться плодородные земли Крыма.

В княжествах, расположенных на Кавказском побережье Черного моря, согласно записям Гибала, положение было несколько сложнее. Это было обусловлено большей отсталостью местного населения, его меньшей численностью, частыми восстаниями, влиянием турок, которые продолжали владеть главным портом на побережье – городом Потти. Гибаль увидел, что «дорог в подлинном значении этого слова... не существовало, за исключением той, что была проложена по приказу генерала *Ермолова*¹¹: она идет от Редут-Кале к Каспийскому морю; сухопутное сообщение между городками и селениями осуществляется по небольшим тропам, очень узким, на которых постоянно рискуешь остаться с расцарапанным ветвями лицом»¹². Поэтому к задачам борьбы с перемежающимися лихорадками и причинами, их вызывающими (обширная заболоченная низменность, влажный жаркий климат, эпидемии болезней, приносимых турецкими купцами), присоединились и новые задачи. Среди них – прокладка дорог, устройство на них почтовой связи, организация по рекам Колхидской низменности путей сообщения побережья с внутренними районами вплоть до гор Кавказа, обустройство почтовых станций и создание пастбищ для почтовых лошадей, новых фортов и складов для русских военных частей и проч. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничной кампании 1813–1814 гг. генерал-майор *П.Д. Горчаков*¹³, в послевоенное время был назначен управляющим Имеретией. По записям Гибала, он много внимания уделял развитию торговли этого княжества, в частности, путем доставки из России в Закавказье товаров не по суше, а по морю. До него Черное море фактически еще не использовалось русскими в торговых целях. Но в 1810 г., после присоединения Абхазии, Имеретии, Мегрелии и Гурии к России, морская торговля оказалась необходимой, более быстрой по времени и наиболее безопасной. В этой связи Гибаль вспоминает на страницах своих «Записок...» русского адмирала *А.С. Грейга*¹⁴, усилиями которого была создана флотилия из 15 кораблей для доставки товаров морем из Таганрога в Редут-Кале, Сухум, Анагрию и Кутаис. По словам Гибала, устройство на новых территориях империи почтовых станций, роль которых выполняли казачьи посты, создание новых крепостей, позднее превратившихся в города, размещение в них чиновников и гарнизонов вызвало острую необходимость их снабжения всем жизненно необходимым, включая провиант и одежду. Портов и удобных бухт, которыми владели русские, было совсем немного. Гибаль называет Сухум, Редут-Кале, Анагрию и Ку-

таис. Альтернативой потерянному порту Поти стала крепость Редут-Кале, которую заново построили в устье р. Хопи. Горчаков предполагал сделать из этой новой крепости основной склад военного снаряжения и провианта для войск и центр торговли Закавказья с Россией, имея в виду близость судоходной реки Риони (Фазис): наименьшим расстоянием между ними был промежуток в 12 верст от селения Марани до берега Риони. Но чтобы добраться по Хопи до Фазиса на самом узком промежутке, у селения Марани, следовало расчистить русло Хопи вверх от ее устья на 30 верст. Усилиями русских военных русло удалось расширить и углубить, и в него уже могли заходить и подниматься вверх до Марани большие суда с товарами. В Марани товары выгружали с кораблей и оттуда на повозках их доставляли на берег Риони, там перегружали на барки и поднимали вверх по Риони до места впадения в нее притока Цхенис-Цкали (за восемь дней), где располагался пост и селение Чаладиди. Затем уже товары развозились по разным провинциям.

Горчаков также пытался бороться с контрабандной торговлей, которой занимались турецкие, и местные купцы. Эта торговля способствовала проникновению чумы и холеры и наносила ущерб экономике. Хотя таможенные пошлины, согласно Гибалю, были незначительными, купцы все-таки стремились тайными тропами обходить карантин. Горчаков понял, что купцы боялись не пошлин, а долгой задержки товаров на карантинах и, вследствие этого, ущерба своим доходам, поэтому для стимулирования законной торговли он внес проект с предложением сократить срок карантина для завозимых извне товаров до 14 дней и даже вовсе его упразднить.

В подчинении Ермолова служили на Кавказе полковники *Пузыревский*¹⁵ и Абхазов. Пузыревский 1-й прошел со своим 45-м егерским полком войну 1812–1813 гг., служил на Кавказе (1817–1818), хорошо его знал; в 1819 г. получил назначение командира полка и контролировал Черноморское побережье Кавказа. Но он не ограничился одним военным контролем, а принялся за благоустройство уже упомянутого селения Марани, которое рассматривал в качестве узла сообщения между Абхазией, Имеретией, Мегрелией и Гурией. Частью начинания прервались из-за его гибели, однако он успел провести прореживание труднопроходимых лесов вокруг селения, построил госпиталь, улучшил жилища солдат, прорыл канал длиной в семь верст, по которому из Марани отвели стоялую воду, прекратив тем самым заболевания лихорадками, очистил от наносов русло Фазиса. Он и сменивший его полковник *И. Н. Абхазов*¹⁶ составили полную смету необходимых работ, которые должны были обойтись в 200 тыс. руб. ассигнациями. Также при нем починили дорогу, ведущую из Редут-Кале, что обошлось в 50 тыс. руб.; причем в работах по перео-

борудованию проселочной дороги в мощный тракт принимали участие и имеретинцы, которые, как писал Гибаль, имели в качестве примера еще сохранившиеся старые мощеные дороги.

В своем путешествии Поль Гибаль виделся на Кавказе со многими людьми, в том числе и с пленными *Великой армии*. Свои впечатления об их биографиях, жизни в плену и обстоятельствах, последовавших за пленением, он записал в дневнике.

Например, в Абхазии возле селения Кодор Гибаль повстречал одного пленного, который находился в плену у турка; это был так называемый двойной пленник, который вначале попал в плен к русским, бежал, попал во второй раз в плен. В «Записках...» отмечается, что это был «законченный Немец, называвший себя французом»¹⁷. Он попал в первый плен в 1812 г., был доставлен в Моздок (на Кавказскую линию), оттуда ему удалось сбежать. Он предполагал переправиться через Кавказские горы и быстро добраться до Константинополя, но был схвачен и продан турецкому купцу. Этому пленному специально привели к Гибало, чтобы услышать французскую речь, поскольку он назвался французом; однако, не зная ни слова по-французски, пленный начал говорить на немецком языке, отчего местные жители, свидетели сцены, подняли его на смех. Пленный просил Гибалья выкупить его и в обмен на свободу пообещал служить ему верно в течение пяти лет. Но Гибаль был совершенно без денег, потеряв кошелёк со всеми имеющимися монетами при переправе через реку, сам искал, у кого бы занять немного, поэтому не сумел ничем помочь пленнику.

В селении Соук-сон, будучи приглашенным на ужин к жене владетельного князя Абхазии Сафир-бея, он познакомился еще с одним двойным пленником, рабом княгини. По словам Гибалья, этот человек был «родом поляк, уроженец г. Лемберга, служил в австрийских войсках». В русский плен попал в окрестностях Смоленска в 1812 г., также был отправлен в Моздок «в числе сотни его соотечественников из разных уголков Польши»¹⁸. Этот поляк рассказал, что, находясь в Моздоке, пленники сговорились бежать, надеясь добраться морем или сушей до Константинополя. Беглецы беспрепятственно добрались до Кабарды, почти 100 человек; там они вскоре без опаски заявили, кто они такие, и кабардинцы сердечно их приняли, назвали своими братьями и спасителями-французами, пригласили на жительство в свои дома, устроив им удобный ночлег, а на следующее утро эти же люди одну половину беболаг продали, а другую заковали в цепи.

Далее Гибаль пояснил эту роковую ошибку пленников тем, что «они недолго жили бок о бок с народами Кавказа и поэтому не могли узнать об их недружелюбном отношении к русским, которое... привело к частым

вооруженным столкновениям двух народов»¹⁹. Он имел в виду осложнившиеся отношения между Россией и Грузией, куда попали беглецы, и движение за освобождение от протектората России: в 1812–1813 гг. в Кахетии, в 1819–1820 гг. в Имеретии.

Интерес представляют описания Гибалья положения пленных и жизни в плену. Прежде всего, следует отметить, что на Кавказе все эти пленные, захваченные после бегства от русских, продавались в рабство и пополняли сословие рабов. Иного их статуса Гибаль не приводит в своих «Записках...». В это сословие входили несостоятельные должники, преступники и вот такие пленные. Хозяева относились к рабам мягко, как к детям, крайне редко позволяли себе ударить раба, телесных наказаний у жителей этих провинций не существовало. Обыкновенно рабы носили такую же одежду, что и их хозяева, жили с ними в одних жилищах и питались за одним столом, голодными и исхудавшими не выглядели, по крайней мере, те, кого встречал Гибаль. Пленные работали пастухами, дровосеками, чистили конюшни, приносили воду и выполняли прочую несложную работу, получая за это оплату. Если они скапливали небольшую сумму, то могли позволить купить себе оружие и носить его. В селениях, где бывал Гибаль, никто не выказывал в отношении к ним неприязни или недоброжелательства. Даже если раб убежал и его ловили, то и тогда его редко наказывали. По словам Гибалья, беглеца заковывали в цепи на три-четыре дня, потом снимали цепи, заручившись обещанием раба больше не убегать, и иных мер наказания не применяли. Гибаль отмечал также, что турки не любят тех из них, кто отказывался от своего народа, языка, отечества, называли их ренегатами.

Гибаль писал, что если хозяева не вывозили своих рабов за пределы Абахазии, Имеретии, Мегрелии и Гурии, то уже их дети могли становиться свободными. Жители Кавказского побережья Черного моря вполне охотно соглашались на браки своих дочерей с иностранцами, в том числе и рабами, которые имели средства для содержания своих жен и помощи их семьям.

Подобным образом на Кавказе местное население и турки относились, согласно Гибалю, к пленным наполеоновской армии. Кроме того, в «Записках...» отмечается стремление турок переманить таких рабов в свою веру – мусульманство; возможно, ласка и доброе отношение выступали в роли пряника.

Представляется, что хотя записи Гибалья, сопряженные с войной 1812–1814 гг., занимают весьма небольшую часть его «Записок...», тем не менее в них глазами очевидца передаются действительные факты, описываются отдельные людские судьбы и жизненные истории. Этот материал может послужить источником для последующих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1–242об. Далее – «Записки...».

² Там же. Л. 16об.

³ Там же. Л. 23об., 27об.

⁴ Там же. Л. 31об.

⁵ Там же. Л. 16об.

⁶ Богдановский Андрей Васильевич (1780–1864), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года и заграничной кампании 1813–1815 гг., керчьеникальский (1823–1825), затем феодосийский и одесский градоначальник (1828–1831).

⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 27об.

⁸ Желтухин Петр Федорович (1777–1829), участник Отечественной войны 1812 года, генерал-майор (произведен за отличие при Бородине), киевский военный губернатор (1827–1829).

⁹ Крымско-татарские полки (Конно-татарские полки), иррегулярные кавалерийские части, сформированы 24 января 1808 г. из крымских татар «на точном праве донских полков» 5-сотенного состава: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский; по повелению императора Александра I командирами полков назначались представители крымско-татарской знати; Феодосийский конно-татарский полк (16 офицеров, 304 казака, командир капитан Али-Мурза Ширинский) весной 1812 г. числился во 2-й Западной армии и стоял кордонами по р. Днестр, в октябре получил приказ перейти к г. Дубно; Симферопольский (13 офицеров, 519 казаков, командир подполковник К.М. Балатуков) и Перекопский (14 офицеров, 509 казаков, командир подполковник Ахмед-бей Хункалов) в 1812 г. находились в летучем корпусе генерала М.И. Платова в 1-й Западной армии; Евпаторийский (16 офицеров, 326 казаков, командир-поручик Ширинский) состоял в 3-й Обсервационной (затем в 3-й Западной) армии; участвовали во всех сражениях Отечественной войны 1812 года; в 1813 г. Перекопский и Симферопольские полки дошли с казачьим корпусом генерала Платова до р. Висла и участвовали в осаде Данцига до его капитуляции в декабре 1813 г.; Евпаторийский полк преследовал отступавшие части Великой армии, пересек границу, участвовал в кампании 1813–1814 и дошел до Парижа; в память боевых отличий конно-татарских полков в 1812 г. был сформирован лейб-гвардии крымско-татарский эскадрон, затем переформированный в команду лейб-гвардии татар Собственного Е.И.В. конвоя (1863–1890).

¹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 23об.

¹¹ Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал от инфантерии (1818), генерал от артиллерии (1837); главноуправляющий в Грузии и командир Отдельного Грузинского (позднее Кавказского) корпуса (1816—1827).

¹² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 167об.

¹³ Горчаков Петр Дмитриевич (1785—1868), князь, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года и кампаний 1813—1815 гг., генерал-майор (1820), управляющий Имеретией (1820—1825).

¹⁴ Грейг Алексей Самуилович (1775—1845), участник войн 1812—1814 гг., вице-адмирал (1813), адмирал (1828); командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Николаева и Севастополя.

¹⁵ Пузыревский 1-й, полковник, командир 45-го егерского полка (1819—1820), во главе полка послан на Кавказ в 1819 г. в распоряжение А.П. Ермолова, контролировал Черноморское побережье Кавказа; полк получил наименование 45-й егерский в 1810 г., но был сформирован в 1805 г. как Пензенский мушкетерский полк, в Отечественной войне 1812 года и в 1813 г. числился в 3-й бригаде 22-й пехотной дивизии генерала С.А. Тучкова и находился в составе 1-го корпуса Ланжерона (Дунайской, потом Силезской армии); среди прочих участвовал в сражениях при Кацбахе (14 (26) августа 1813 г.) и Лейпциге (4—7 (16—19) октября 1813 г.).

¹⁶ Абхазов Иван Николаевич (1764—1832), полковник, участник русско-турецкой войны 1804—1813 гг., командир 45-го егерского полка (1820—1821), генерал-майор (1826).

¹⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 76.

¹⁸ Там же. Л. 87.

¹⁹ Там же. Л. 87об.